

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1955

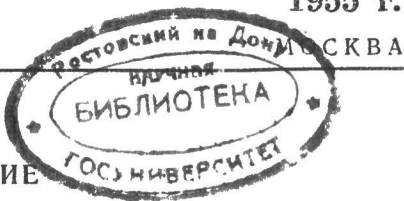
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 6

И Ю Н Ъ

1955 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

✓ Левин Ш. М. (Ленинград) — В. И. Ленин в Петербурге в 1905 г.	3
✓ Дубровский С. М. — О предпосылках крестьянского революционного движения 1905—1907 гг.	13
✓ Фарбман Н. В. (Барнаул) — Борьба рурского пролетариата против французской оккупации и национальной измены магнатов Рура в 1923 г.	26
✓ Казаков Н. И. — Из истории русско-болгарских связей в период войны России с Турцией (1806—1812 гг.)	42
✓ Пронштейн А. П. (Ростов-на-Дону) — Усиление крепостного гнета на Дону в XVIII веке	56

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

✓ Фадеев А. В. — О внутренней социальной базе юридического движения на Кавказе в XIX в.	67
✓ Барг М. А., Лавровский В. М. — О социальной природе английского нового дворянства и йоменри первой половины XVII в.	77

СООБЩЕНИЯ

✓ Галкина П. И. — Всеобщая стачка иваново-вознесенских текстильщиков летом 1905 г.	87
✓ Жун Мэн-юань (Китай) — Китайская пресса 1905 г. о русской революции	98
✓ Унпелев Г. А. (Владивосток) — Строительство Уральского завода тяжелого машиностроения (1928—1933 гг.)	104

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

✓ Шутой В. Е. — Об «Очерках истории СССР» первой четверти XVIII в.	113
--	-----

(См. на обороте)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

- ✓ Застенкер Н. Е., Кан С. Б., Левицкий Я. А., Потемкин Ф. В., Рутенбург В. И. (Ленинград), Сапрыкин Ю. М., Сказкин С. Д.— Предшественники научного социализма 115
- ✓ Питерский А. Д.— Недостатки в лекциях по истории КПСС 128

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

- ✓ Генкина Э. Б., Хавин А. Ф.— «Ученые записки» Академии общественных наук при ЦК КПСС, вып. 18 132
- ✓ Яцунский В. К.— С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. 1 138
- ✓ Иллерицкий В. Е.— П. Кабанов. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Щапова 146
- ✓ Тихонов Ю. А.— «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сборник документов. Т. 1 148
- ✓ Зимин А. А.— «Труды отдела древнерусской литературы». Том X 151

Всеобщая история

- ✓ Кирсанов А. В.— «Итоги второй мировой войны» 154
- ✓ Козьменко И. В.— Димитр Косев. Сентябрьское восстание 1923 года 158
- ✓ Авербух Р. А.— Петер Ханак. Угнетенные народы Австрийской империи и венгерская революция 1848—1849 гг.; Золтан И. Тот. Кошут и национальный вопрос в 1848—1849 гг. 161
- ✓ Рубцов Б. Т.— Милош Крадохвил. Ян Гус; Ян Жижка; Ян Желивский 163
- Труды высших учебных заведений и научных учреждений 166

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

- ✓ Обсуждение макета учебного пособия по истории советского общества 168
- ✓ Шебанов А. Ф.— О подготовке историков в университетах 173
- ✓ Бонч-Бруевич В. Д.— О научно-атеистической пропаганде 175
- Хроникальные заметки. 177

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

- ✓ Черняк Е. Б.— Американская историческая ассоциация 179
- ✓ Кюзаджян Л. С.— Обсуждение китайскими историками взглядов буржуазного идеолога Ху Ши 186
- ✓ Каллимаки Скарлат (Румыния) — Румыно-русский музей 191
- Хроникальные заметки. 191

УСИЛЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ГНЕТА НА ДОНУ В XVIII в.

А. П. Пронштейн

По утверждению некоторых буржуазных историков, в Области Войска Донского не только в XV—XVI столетиях, но и в более позднее время не было классового расслоения и классовой борьбы, а крепостной гнет на Дону, вызванный «государственной необходимостью», распространился здесь лишь «в незначительной степени, т. к. местные условия в большинстве случаев парализовали его развитие»¹. Советские историки опровергли эту точку зрения и пришли к правильному выводу, что крепостное право на Дону развивалось очень интенсивно, что крестьянское население Дона испытало на себе всю тяжесть и ужасы крепостного гнета, ответом на который явилось массовое движение крестьян Земли Войска Донского и Екатеринославской губернии в 1818—1820 гг., охватившее более 44 тысяч крестьян.

Однако, кроме работы И. Игнатович², в которой дан беглый обзор положения крестьян на Дону в первые два десятилетия XIX в., до сих пор нет работ, посвященных истории донских крестьян XVIII века. Поэтому такое событие в истории Дона, как крестьянское движение 1818—1820 гг., выглядит до известной степени изолированным, случайным. Между тем возникновение этого крупнейшего антифеодального движения со времени крестьянской войны под руководством Е. Пугачева было обусловлено социально-экономическим развитием и прежде всего наличием крепостнических отношений.

Настоящая статья ставит задачей осветить процесс вызревания крепостничества и усиления крепостного гнета на Дону в XVIII веке.

В XVIII в. феодально-крепостнические отношения в России расширились. Власть помещиков над крестьянами росла, крепостные крестьяне становились полной собственностью своих владельцев. Крепостничество распространилось на огромные пространства южных земель России, на Левобережную Украину, Новороссию, Северный Кавказ, Область Войска Донского. Распространение крепостного права на южные окраины России было подготовлено внутренним развитием этих земель. Еще в конце XVII в. дворянское землевладение не выходило за пределы Белгородской черты, и население, жившее на Дону, было свободным³. Однако уже в это время в экономическом развитии Дона происходят серьезные изменения. Если до сих пор казачество обеспечивало свое существование за счет царского жалования, военной добычи, охоты и рыболовства (к тому же

¹ См. А. А. Карасев. Донские крестьяне. «Труды Донского Войскового Статистического Комитета». Вып. I. 1867, стр. 89; К. В. Марков. Крестьяне на Дону. «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. XIII. 1915, стр. 93, 105 и др.

² См. И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. Гл. II, М. 1937.

³ А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке. «Исторические записки». Т. 4. 1938, стр. 32.

численность неказачьего населения была ничтожной), то с ростом населения, особенно неказачьего, этих источников существования было уже недостаточно. Во второй половине XVII в. на Дону развивается сельское хозяйство и прежде всего его важнейшие отрасли — животноводство и земледелие. В конце XVII в. источники отмечают появление земледелия в верховьях Дона⁴. На протяжении XVIII в. оно распространяется по всей Земле Войска Донского.

Господство крепостного строя в России создавало благоприятные условия для быстрого развития феодальных отношений на Дону. Происходит рост землевладения старшины и богатого казачества, которые, используя свое влияние среди донского казачества и опираясь на поддержку войсковых властей, захватили огромные пространства земли в Области Войска Донского и основали на них хуторские хозяйства⁵. Если рядовое казачество в станицах, как правило, вело хозяйство самостоятельно, то в хуторских хозяйствах старшины и богатого казачества применялся труд крестьян. На протяжении XVIII в. на Дону идет непрерывный процесс закрепощения крестьянского населения.

Каковы были источники обеспечения хуторских хозяйств старшины и богатого казачества рабочей силой? Некоторая часть крепостных крестьян покупалась у помещиков центральных губерний России, главным образом ближайших к Дону уездов — Тамбовского, Шацкого, Козловского и др.⁶. Оберегая интересы помещиков, правительство не давало донским старшинам официального разрешения на покупку крестьян. Но потребность в обеспечении хозяйств рабочей силой заставляла старшину и богатых казаков добиваться этого. В 1767 г. в Комиссии по составлению Нового Уложения депутат Войска Донского Никифор Сулин требовал «внести в закон» право донских атаманов и старшин «покупать дворовых людей и крестьян»⁷. Тогда это право им не было дано. Но после подавления крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева донским старшинам и полковникам, которые в походах командовали полками, были пожалованы армейские штаб-офицерские чины, а этим самым они получили право на покупку и владение крепостными крестьянами⁸. С того времени случаи приобретения донскими помещиками крестьян в центральных губерниях становятся более частыми. И все же число покупных крестьян было на Дону не велико. По ревизии 1782 г., из общего числа 26 579 крестьян, записанных на Дону, покупных числилось 1 06 человек, по ревизии 1795 г., из 54 628 крестьян — 3 995 человек⁹. К тому же большинство покупных крестьян были дворовыми.

В обеспечении старшинских хозяйств рабочей силой несравненно большее значение имела вольная колонизация Дона выходцами из Великороссии и Украины. Характер заселения Дона великороссийскими и украинскими крестьянами был различным. Крестьяне Великороссии уже в XVII в. были окончательно закрепощены, поэтому они не имели права уходить от своих владельцев. Тем не менее в течение всего XVIII в.

⁴ Дополнения к Актам историческим (ДАИ). Т. XII, № 17, стр. 124; В. Г. Дружинин. Раскол на Дону. СПб. 1889, стр. 273—274. Приложения.

⁵ И. Сулин. Исторические данные, относящиеся к колонизации земли Донского войска казачьими и крестьянскими хуторами. «Донские областные ведомости». 1902, №№ 143, 145, 146; К. В. Марков. Указ. соч. «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. XI. 1913; вып. XIII, 1915.

⁶ Газета «Донской вестник», 5 июня 1867 года. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 13, оп. 107, св. 87, лл. 115—135; св. 115, лл. 208—214 об; Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 338, оп. I, д. 123, л. 2; «Записки Донского атамана Денисова», «Русская старина» 1874—1875 годы.

⁷ Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. VIII. СПб. 1871, стр. 229.

⁸ ПСЗ. Т. XX, № 14251; В. Н. Ветчинкин. Очерк поземельного владения на Дону в связи с развитием межевания. «Труды Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. II, 1874, стр. 30.

⁹ «Донской вестник», 5 июня 1867 года.

крестьяне в одиночку и целыми деревнями бежали на Дон, спасаясь от жестокого крепостнического гнета¹⁰. Осуществление правительственных мер по сыску беглых в XVIII в. наталкивалось на сопротивление со стороны тех, кто прежде всего должен был проводить их в жизнь, то есть со стороны донских старшин, нуждавшихся в рабочей силе в их собственных хуторских хозяйствах. Только постоянные предупреждения со стороны правительства о жесточайшем наказании за укрывательство беглых заставляли старшин принимать некоторые меры к их сыску. Однако розыск проводился слабо, и огромная масса беглых крестьян оставалась на Дону¹¹.

3) Переселенцы-украинцы составляли третью основную группу, вошедшую в состав донского крестьянства. Переселение украинских крестьян в Россию приняло особенно крупные размеры в период освободительной войны украинского народа в XVII веке. Во второй половине XVII в. украинские переселенцы заселили целую область с рядом крупных городов и слобод, получившую название Слободской Украины¹². К середине XVIII в. крестьянство Левобережной и Слободской Украины фактически было закрепощено. Свобода перехода обставлялась такими условиями, что крестьяне в действительности лишались этого права. Универсал гетмана Разумовского от 20 апреля 1760 г. допускал переселение крестьян только с письменного разрешения владельца и с оставлением крестьянами «нажитого ими с владельческих грунтов имения»¹³. Этот универсал был подтвержден царским указом 1763 года¹⁴. Законодательные меры правительства, усиливавшие крепостнический гнет, вызывали ответное стремление крестьян избавиться от порабощения и приводили к увеличению побегов крестьян.

В 30—60-х годах XVIII в. переселение украинских крестьян на Дон приняло уже очень большие размеры. Царские указы предписывали живущих на Дону «шатающихся беглых малороссиян по силе прежних указов выслать на прежние их жилища без всякого задержания»¹⁵. По сведениям «Комиссии об устройстве слободских полков» (1763 г.), крестьяне бежали из Слободской Украины и устраивали свои поселения «на Дону, за Доном, по Хопру, Медведице, в больших хуторах за старшинами, по большой дороге в Черкасск, по степным рекам» и т. д.¹⁶. Получив такое известие, правительство 11 марта 1763 г. распорядилось украинских казаков, поселившихся на землях Войска Донского, вернуть на Украину, в полки, а крестьян обложить подушной податью в размере 70 копеек с души¹⁷.

Перепись выявила на Дону 20 422 «малороссиян»-украинцев мужского пола, из них 1 546 казаков, которые были высланы на родину, и 18 876 крестьян, подлежащих обложению подушной податью¹⁸. Перепись 1763 г. учитывала только украинцев, проживавших легально на Дону. Значительное число великорусского и украинского населения, жив-

¹⁰ К. В. Марков. Указ. соч. «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. XI. 1912.

¹¹ Беглые великороссияне часто скрывались под именем «малороссиян» — украинцев, которые до 3 мая 1783 г. юридически пользовались правом свободного перехода, а следовательно, могли уходить от своих владельцев и поселяться на Дону легально. ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 580, л. 1; д. 1010, л. 8 об.; д. 1016, лл. 26 об., 40 об.

¹² «История Украинской ССР». Т. I, Киев, 1953, стр. 307.

¹³ В. Мякотин. Прикрепление крестьянства Левобережной Малороссии в XVIII столетии. «Русское богатство». 1894, № 3, стр. 223.

¹⁴ «История Украинской ССР». Т. I, стр. 366—367.

¹⁵ «Акты, относящиеся к истории Войска Донского», собранные А. А. Лишиным (Акты Лишина). Т. II. Ч. I. Новочеркасск. 1894, стр. 180, 238.

¹⁶ «Донской вестник», 5 июня 1867 года.

¹⁷ П. Сахаров. Материалы к истории колонизации и быта земли донских казаков в XVIII веке. «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. X, 1911, стр. 109—110.

¹⁸ Там же.

шего на Дону нелегально, не было учтено. Надо полагать поэтому, что численность крестьянского населения на Дону в 1763 г. была большей, чем об этом говорят официальные данные. Основные материалы о положении крестьянства на Дону относятся к украинскому населению. Но можно полагать, что они характеризуют положение всего крестьянского населения Дона. Перепись охватила немало скрывавшихся на Дону под именем «малороссиян» великороссов. К тому же украинские и великороссийские крестьяне составляли на Дону в социальном отношении одну категорию феодально-закрепощенных крестьян. Положение великорусских крестьян не могло быть лучшим, чем положение украинских. Наоборот, пользуясь нелегальным положением беглых великороссийских крестьян на Дону, старшины, угрожая выдачей властям, ставили их в более трудные условия, чем крестьян, которые жили на Дону легально. Как крестьяне-украинцы, так и крестьяне-великороссы окончательно закрепощались. Источники конца XVIII в. не различают донских крестьян по этническому признаку: они слились в одну категорию крепостных крестьян.

Численность крестьянского населения на Дону в XVIII в. росла во много раз быстрее, чем в Центральной России. Если учитывать только официальные данные, то, по переписи 1763 г., крестьян мужского пола насчитывалось 18 876 человек, 1782 г. — 26 579 человек, а 1795 г. — 54 628 человек¹⁹. Такое резкое увеличение крестьянского населения происходило не за счет естественного прироста, а вследствие непрерывного притока крестьян на Дон из Великороссии и Украины. Если казацки-городки строились главным образом вдоль берегов рек Области Войска Донского, то крестьяне селились на неосвоенных пространствах, превращая их в культурные земли. Донскому крестьянству принадлежит большая заслуга в освоении и дальнейшем экономическом развитии края.

Основная масса крестьян приходила на Дон почти без средств производства. К тому же пришлые крестьяне не имели прав на осваиваемую ими землю. Захват земель донскими старшинами с самого начала ставил крестьян, поселявшихся на этих землях, в определенную от них зависимость. Эта зависимость имела феодальный, крепостнический характер. Первое сообщение источников о характере феодальных повинностей донских крестьян относится к 1731 году. В поверочной переписи донских крестьян 1764 г. сообщается о том, что родившийся в сотенном городке Конеще, в Слободской Украине, «вольный черкашенин» Иван Максимов Мельник в 1731 году «сшел на Донец в Луганскую станицу... и жил у казака Якова Волутского при мельнице из четвертой части по 754 год»²⁰. В 1735 г. генерал-майор Тараканов начал заселять незанятые места по речкам Белой Калитве и др., предлагая переселенцам следующие условия: «...а как людей соберется довольно, тогда с совета с лучшими людьми и со всеми той слободы людьми положен будет чинш легкой, а пашни и никакой работы панской не будет»²¹.

Следующее сообщение о характере феодальных повинностей донских крестьян относится к 1744 году. Как свидетельствует поверочная перепись 1764 г., родившийся в Слободской Украине «вольный черкашенин» Абрам Лавренов Коструба в 1744 г. «пришел на речку Иловлю, на мельницу господина войскового атамана Степана Даниловича Ефремова... и жил на предписанной мельнице с четвертой части по 754 год. А в том году при-

¹⁹ Ср. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I. 1947, стр. 406—415; его же. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в. «Исторические записки». Т. XV. 1945.

²⁰ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 884.

²¹ «Донской вестник», 5 июня 1867 года.

шел на речку Чир и жительствоует при мельнице у казака Лосева из четвертой части до сего времени», то есть до 1764 года²².

В документах говорится, что уроженец г. Ромны украинский крестьянин Данила Рядченко пришел в 1756 г. в Грушевские хутора и поселился у старшины Абросима Луковкина, за которым и был записан в 1763 году. За работу на земле, принадлежавшей старшине, он получал «с хутора ево сеенова хлеба третью часть». В 1763 г. были обложены подушным окладом крестьяне, поселившиеся на землях, принадлежащих казаку Фаддею Максиму, отец которого, старшина Максим Гуляев, построил здесь мельницу по данной ему войсковой грамоте. По показанию Фаддея Максимова, «в подушный семигривенный оклад... положено 84 души, а ныне (в 1764 г.— А. П.) из показанного числа за побегом других в наличности оных состоит за мною точно 74 без всякого положенного на них денежного и другого оброка, кроме того, что токмо один день в каждой недели исправляют мою надобность безденежно». Во время переписи 1763 г. за походным есаулом Прибылянской станицы Иваном Платовым при его хуторе и мельнице на речке Деркуле был записан 61 крестьянин. В поверочной переписи 1764 г. отмечено, что «оброку с них никакого не збирается и только безденежно два дни косят, тож в хуторских и мельничных правлениях случайное чинят вспоможение»²³. Во время переписи 1764 г. крестьяне, поселившиеся на хуторе полковницы Мавры Краснощековой, показывали: «...и в оклад записан, и от оной ничего не получаю, и оброку никакого не плачу», «только временем в хуторе ее имею послушание». Такие же показания дали крестьяне, жившие на хуторе вдовы Варвары Фроловой и у многих других донских старшин²⁴.

Приведенные примеры говорят о том, что уже во второй четверти XVIII в. донские крестьяне обязаны были нести барщинную повинность. Сведений об оброчной повинности почти не встречаем. Наоборот, многие источники, в частности поверочная перепись 1764 г., прямо указывают, что в это время крестьяне никакого оброка своим владельцам не платили²⁵.

За несение повинностей крестьяне получали земельный надел—«семьянистые пашнею, сенными покосами и прочим довольствуются во владении станичном юрте»²⁶. Во второй четверти XVIII в. крестьяне работали на барщине один день в неделю или из четвертой—третьей части урожая. Сравнительная легкость повинностей в это время объясняется тем, что донские землевладельцы испытывали большую нужду в рабочей силе, в то время как крестьяне пользовались еще правом перехода. В этих условиях землевладельцы иногда на ряд лет вообще отказывались от барщины и даже выплачивали крестьянам значительные суммы с тем, чтобы те после обзаведения хозяйством выполняли барщину²⁷. По мере оседания крестьян на земле и с ограничением крестьянских переходов барщинная эксплуатация на Дону быстро возрастала.

Посетивший Донской край в 1768—1769 годах академик С. Г. Гмелин писал, что донские крестьяне работают «на своих начальников, как подчиненные и по принуждению»²⁸. В 70—80-х годах XVIII в. барщина на Дону превышала уже 2 дня в неделю. Обострение классово-борьбы за-

²² ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, л. 959/1055.

²³ Там же, лл. 81 об., 1400, 1047 об.

²⁴ Там же, лл. 84—88 об., 89 об., 90 и др.

²⁵ Кроме приведенного выше упоминания о «чинше легком», есть указания на оброк еще в одном случае. В 1765 г. землевладелец Михаил Себряков сманивал к себе крестьян на следующих условиях: «На оброке за платеж денег по одному рублю с семьи и за косьбу три дни безденежно сена». Там же, лл. 1, 10 об. и др., св. 118, л. 56 об.; К. В. Марков. Указ. соч. «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. XIII. 1915, стр. 48.

²⁶ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1052—1052 об.

²⁷ Там же, лл. 17, 81, 83, 89—89 об., 95—129, 152 об., 179 об., 850, 854—863, 865 и др.; св. 118, л. 66 об., св. 119, л. 233; «Донской вестник». 5 июня 1867 года.

²⁸ С. Г. Гмелин. Путешествие по России. Ч. I. СПб. 1771, стр. 268—269.

ставляло войсковые власти до известного предела ограничивать барщинные повинности крестьян. Приказы войскового атамана А. И. Иловайского в 1783 и 1784 гг. разрешали землевладельцам привлекать к барщине всех крестьян не моложе 18 лет и не чаще 2 дней в неделю²⁹. Это было подтверждено и приказом Войскового гражданского правительства от 6 ноября 1788 года. Однако донские помещики не считались с этим. Так, в 1788 г. крестьяне казака Алексея Фомина жаловались на то, что владелец принуждал их работать более 2 дней в неделю. У крестьянина «Павла Гречки, при жестоком бое из рук, выбили из рта зуб за то только, что он не пошел в одной недели третий день со всем семейством вашу работу; Макара Григорьева за то же самое били немилостиво»³⁰.

По некоторым сведениям, в 80—90-х годах XVIII в. барщина на Дону довольно часто достигала 3—4 дней в неделю, то есть была не меньше, чем в других областях России.

С ростом феодальной эксплуатации увеличивалось число частновладельческих крестьян. Для закабаления крестьян старшины использовали самые различные средства: крестьян закрепощали «по закладу», выдачей им в долг денег, хлеба, сельскохозяйственного инвентаря, скота, отдачей задолжавших «в зажив»³¹.

Во второй половине XVIII в. многие старшины и богатые казаки владели значительным числом крестьян. В 1764 г. за войсковым атаманом Степаном Ефремовым числилось 502 крестьянина мужского пола, за генерал-майором Федором Краснощековым — 587, за полковником Михаилом Себряковым — 137, за Степаном Грековым — 70; в 1782 г. за вдовой бывшего войскового атамана Степана Ефремова Маланьей Карповой числилось до 600 крестьян мужского пола, за старшиной Василием Манковым — до 400, за бригадиром Михаилом Себряковым — до 200, за полковником Василием Иловайским — до 400, за генерал-майором Исаевым — до 200, за полковником Леоновым — до 200, за полковником Янковым — до 200; по ревизии 1795 г., войсковому атаману А. И. Иловайскому принадлежало более 500 крестьян, примерно столько же и наследникам старшины Ивана Платова. В 1797—1798 гг. генерал-майор Мартынов владел 3 723 крестьянами (из них в слободе Мартыновке — 1 941), подполковник Семен Курняков — 1 400, майор Федор Мелентьев в слободе Завязке — 610, майор Кондрат Мелехов в слободе Трестьянке — 241 и т. д.³²

Крепостническая эксплуатация донских крестьян в XVIII в. не ограничивалась повинностями в пользу землевладельцев. В приказе войскового атамана Средней станицы от 14 октября 1746 г. указывалось, что крестьян «не токмо для возки подвоят они (станичные власти.— А. П.) употребляя, но сверх того накладывают на них годовую почтовую гоньбу и другие станичные тяготы, которые им снести невозможно»³³.

После переписи 1763 г. крестьяне уже по закону обязаны были нести многие натуральные повинности — станичные, войсковые и государственные. Чаще всего крестьян назначали для выполнения всякого рода войско-

²⁹ К. В. Марков. Указ. соч. «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. XIII. 1915, стр. 93. ГАРО, ф. 338, оп. I, д. 695, л. 10.

³⁰ ГАРО, ф. 338, оп. I, д. 695, л. 9 об.

³¹ Акты Лишина. Т. III. 1894, стр. 131; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 83 об., 864—864 об.; ГАРО, ф. 338, оп. I, д. 35, л. 19—19 об., д. 61, л. 5; д. 1010, л. 21 об.; д. 1011, лл. 3, 11 об., д. 1008, л. 37 об.; д. 436, лл. 23—24; д. 290, лл. 8—8 об.; д. 1025, л. 8 и др. В грамоте от 20 декабря 1768 г. отмечалось, что крестьяне, «одолязя, остаются заживо по кабалам привязанными к хозяевам, а которые и выкупаются, то однако же идут не на волю, но переходят к другим за плату долга их».

³² ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, лл. 202—208; ГАРО, ф. 338, оп. I, д. 1056, лл. 92, 93 об.—95; д. 1075, лл. 3, 6, 8; д. 1091, л. 3.

³³ ГАРО, ф. 338, оп. I, д. 504, лл. 1—1 об.

вых и строительных работ в азовских портах, при сооружении и ремонте крепостей. По сведениям Войсковой канцелярии, ежегодно направлялись «на суда в крепость св. Димитрия 189 человек, в Таганрогскую 270 и кроме того в крепость для работ 1 пеший и с телегами 18, всего 478 человек»³⁴.

Назначались крестьяне и на другие срочные работы. Так, в июне 1789 г. в Таганрогский порт послали «для провода кораблей» 200 крестьян, в марте 1791 г.— еще 300 человек. 29 июня 1795 г. Войсковое правительство предписывало «для перевозки кирпичей к каменному войсковому строению и других работ учинить наряд... ста человекам пешим и пятидесяти с пароволовыми каждого по одной подводками», для проведения других войсковых работ выделить из числа приписных за станицами и владельцами от каждых ста человек двух пеших с трехмесячным провиантом³⁵.

Не менее обременительной была подводная повинность, которая отрывала крестьян от хозяйства на длительные сроки. Распоряжения о подводной повинности встречаются в архивах станичных правлений очень часто. В марте 1789 г. для перевозки из крепости св. Димитрия в Черкасск двухсот кулей овса на корм почтовым лошадям десять станиц должны были выделить 40 крестьян с подводами и дополнительно еще 6 человек с тягловой силой. В 1792 г. для выполнения войсковых работ Войсковая канцелярия издала подряд четыре распоряжения о назначении из станиц «пристойного» числа подвод с погонщиками. Подводную повинность крестьян широко использовали для доставки провианта, превращая ее в дополнительный государственный налог. Так, в 1789 г. израсходованные на перевозку войскового провианта 120 рублей Войсковая канцелярия распорядилась при подушном сборе разложить на всех приписных по Войску Донскому «малороссиян» и, взыскав, возратить в войсковую сумму³⁶. Стремясь обеспечить выполнение крестьянами станичных и войсковых повинностей, войсковые власти связывают их круговой порукой. 15 ноября 1787 г. Войсковое гражданское правительство приказало выбирать из крестьян станичных (слободских и хуторских) старост и атаманов «для одного наблюдения при нарядах порядка взыскания подушных денег». Но, по указу 22 сентября 1788 г., «оние малороссийские атаманы» обязаны были также наряжать крестьян «в работы и тягости по требованиям станичных атаманов»³⁷.

Эти натуральные повинности крестьян являлись видом натуральной отработочной ренты³⁸. Они сохранялись на Дону вплоть до отмены крепостного права. Господство натурального хозяйства и недостаток наемной рабочей силы поддерживали эту запоздалую форму отработочной докантилистической ренты, которая перерастала в форму государственного налога.

В 1763 г. донские крестьяне были включены в третью общероссийскую перепись и обложены, как и остальное податное население России, семигривенным окладом. К барщине и натуральным войсковым повинностям добавились теперь государственные подати.

Новые подати оказались крайне обременительными для донских крестьян. По донесению ответственного за сбор подушных податей на Дону генерал-майора Потапова, в 1763—1765 годах подушная подать по-

³⁴ См. К. В. Марков. Указ. соч. «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. XIII. 1915, стр. 57, 77; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 341, л. 1.

³⁵ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 1035, лл. 27—27об.; д. 211, л. 25; д. 1070, л. 25; д. 1051, л. 42 об.; д. 179, л. 12; д. 1018, л. 25 об.; д. 1051, л. 46; д. 1035, лл. 55 об. 76; д. 1025, л. 45; д. 1043, л. 49 об. и др.

³⁶ Там же, д. 1035, лл. 58—58 об.; д. 1043, л. 49; д. 1045, лл. 5 об.—6; д. 1066, лл. 28—28 об.; д. 1018, л. 30 об.; д. 708, л. 33 об.; д. 258, л. 2.

³⁷ Там же, д. 1017, лл. 32—32 об.; д. 288, лл. 28—28 об.; д. 1025, лл. 7—7 об.

³⁸ Ср. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М.-Л. 1946, стр. 46—47.

ступала нерегулярно и с большим недобором: «...ежели (б) по всех годах окладная сумма в сборе была, то надлежало бы быть 42 тысячи 646 рублей 70 коп., а собрано только 36 тысяч 337 рублей 70 коп., затем в недоборе 6 тысяч 547 рублей 50 коп.»³⁹.

Таким образом, сумма недоимок за 3 года составляла около 13% общего сбора по подушному семигривенному окладу. Правительство требовало от должностных лиц на Дону «особливо стараться положенный с малороссиян подушный годовой оклад собирать не только сполна, но и в сроки без послабления». Специальное «Наставление» предписывало станичным атаманам собирать с донских крестьян годовой оклад подушных денег до наступления каждого полугодя. Один за другим публиковались приказы о жесточайшем наказании за «наималейшие» упущения в сборе подушной подати. Несмотря на эти меры правительства и войсковых властей и нажим на крестьян со стороны владельцев, задолженность по выплате государственных податей продолжала расти. В 1773—1776 г. недоимка по подушному окладу составила уже 20 тысяч 240 рублей 8 коп., то есть примерно 28,5% от общей суммы подушного оклада за эти годы⁴⁰.

Усиление крепостного гнета на Дону в XVIII в. выразилось также в резком ограничении сословных прав донских крестьян. Чем сильнее развивалось на Дону крепостничество, тем больше росла потребность в труде крепостных, тем резче ставился вопрос о закреплении крестьян за владельцами, об ограничении свободы крестьянских переходов.

Решающую роль в ликвидации права крестьянских переходов сыграла перепись 1763 года. Формально целью переписи были учет крестьянского населения и обеспечение исправной выплаты государственных податей, но владельцы, за которыми записывали крестьян, стали трактовать эту запись шире, объявляя всех крестьян, уходивших от них после переписи 1763 г., беглыми⁴¹. Правда, специального указа о закреплении крестьян за определенными владельцами не было. Комендант крепости св. Димитрия генерал-майор Потапов в 1765 г. доносил в Военную коллегию, что украинские крестьяне-«малороссы» «по всему Донскому войску жительствуют и волно из места в место, куды хотят переходят, а он без особого на то указу вступаться должности никакой и не имеет»⁴². В интересах донских старшин на основании предписания Военной коллегии «Наставление» о сборе с крестьян подушного оклада от 20 октября 1766 г. объявило к строгому исполнению «из одной в другую станицу ниже от одного владельца к другому черкас собою не переводить и не переписывать, но быть им в тех местах, где кто доньне написан, навсегда»⁴³. «Наставление» разрешало крестьянам уходить на заработки с паспортами, которые выдавались владельцами и чиновниками. Владельцы и войсковые власти уже с конца 60-х годов XVIII в. не признавали права крестьян на самовольный переход от одного владельца к другому. Когда в 1768 г. семь семейств приписных крестьян ушли из хутора казака Кумшацкого и поселились за рекою Донцом в только заселяемой слободе Ольховой, состоявшей под ведением Бахмутского гусарского полка подполковника Шевича, то старшина по сыску и высылке беглых Николаев «от него Шевича, яко вышедших самовольно о высылке

³⁹ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 138, л. 202; ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 574, л. 26.

⁴⁰ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 574, лл. 26—31; д. 582, лл. 16—21; оп. 1, д. 614, лл. 2—2 об., оп. 1, д. 1008, лл. 32 об., 47; см. также С. Щелкунов. Донское войско при атамане Алексее Ивановиче Иловайском. «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. X. 1910, стр. 27.

⁴¹ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 88 об., 92 об., 113 об., 123 об., 126 об., 127, 141, 146, 149—151 и др.

⁴² Там же, св. 138, лл. 78—79, 146.

⁴³ ГАРО, ф. 338, оп. 1, д. 574, лл. 26—31.

к нему, а при том и по каким обстоятельствам они в той слободе жительство содержатся, письменного уведомления требовал». Шевич пытался удержать крестьян у себя. Между ним и Кумшацким возникла тяжба, продолжавшаяся в течение нескольких лет. Дело дошло до правительства, которое указом от 8 января 1771 г. предписало Шевичу вернуть ушедших крестьян казаку Кумшацкому⁴⁴. В 1768 г. к жене генерал-майора Краснощекова самовольно перешли на жительство крестьяне казака Лугацкой станицы Афанасия Стехина. Стехин подал жалобу, и Краснощекова вынуждена была в 1776 г. вернуть крестьян прежнему владельцу⁴⁵. Войсковое гражданское правительство распорядилось «праздношатающегося, без письменного вида» приписного Прокофия Романова Ковалева «наказать на рынке кошками». При этом всем владельцам было указано, чтобы они «малороссиян ни на самократчайшее время без письменных видов в крепость св. Димитрия и никуда не отпускали и сами они туда и никуда без оных не отлучались с тем, что они за преслушность того, в случае поимки их жестоко будут наказаны»⁴⁶.

~~Землевладельцы добивались законодательного оформления~~ закрепощения крестьян. Видя в донской казачьей верхушке свою социальную опору, правительство указом 12 декабря 1796 г. вместе с закрепощением крестьян в Новороссии и на Кавказе передало крестьян «в вечную собственность каждого владельца... также и на Дону»⁴⁷. Крепостное право, развивавшееся на Дону задолго до этого указа, утверждалось теперь законом. Уходя на окраины России, крестьяне не надолго избавлялись от крепостнического ярма. Царское правительство, «точно бурмистр старого барина, побежало за ними вдогонку, чтобы донять их и на новом месте»⁴⁸.

Крестьяне сохраняли некоторые владельческие права. Войсковой приказ от 18 октября 1770 г., разрешая семи семействам приписных крестьян переселение в Таганрогскую крепость, предписывал «имеющие у них собственный скот и хлеб, посеянный и состоящий в домах, от них не отбирать». Отдельные крестьяне владели 2—4 быками, 2—3 коровами, мелким скотом. Однако выморочное имущество крестьян переходило к владельцу. Вместе с тем крестьянам категорически запрещалось владеть хуторами и рыбными заводами. Например, когда в 1792 г. приписной крестьянин Дмитрий Губаренков купил у казака Василия Ушакова хутор с землею, то немедленно последовал строжайший приказ, который предписывал «оному малороссиянину Губаренкову объявить... что ему купленным у казака Ушакова хутором и землею довольствоваться позволить не можно, а должно жить и довольствие иметь в слободе помещицы своей атаманши Ефремовой и для того ему оный хутор возвратит казаку Ушакову... А дабы никто малороссиянам таковым образом хуторов не продавал, о том по всему войсковому ведомству публиковать». Если богатые крестьяне и приобретали землю и рыбные заводы, то оформляли документы не на свое, а на подставное имя. Но такие сделки преследовались войсковыми властями⁴⁹.

Донским крестьянам, как и всем крестьянам России XVIII в., запрещалось также выдавать векселя и заемные письма⁵⁰. Эти правовые ограничения устанавливали сословную грань между крестьянами и казачеством. С начала XVIII в. переход крестьян в казачье сословие был очень

⁴⁴ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 118, лл. 418 об., 430; см. также Акты Лишина. Т. III, №№ 79 и 83.

⁴⁵ К. В. Марков. Указ. соч., «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. XIII. 1915, стр. 86.

⁴⁶ ГАРО, ф. 338, оп. I, д. 1035, л. 34; д. 288, лл. 21—22.

⁴⁷ ПСЗ. Т. XXIV, № 17638.

⁴⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 80.

⁴⁹ ГАРО, ф. 338, оп. I, д. 871, лл. 1—3; д. 589, лл. 4—6; д. 1035, лл. 22 об.—23; д. 211, л. 3; д. 434, л. 4; д. 1066, л. 78 об.; д. 582, лл. 3—3 об.; ф. 339, оп. I, д. 205, лл. I—44.

⁵⁰ Там же, д. 1008, лл. 25 об.—26; д. 1016, л. 42; д. 694, л. 33; д. 1055, лл. 13—14.

затруднен, а с середины века для рядовой массы крестьянства стал почти невозможным. В 1776 г. войсковой грамотой было объявлено, чтобы «казачьих дочерей, девок и женок в замужество за великороссийских и малороссийских людей... не отдавать под неизбежным станичным атаманом штрафом». К середине XVIII в. не могло быть и речи об участии крепостных крестьян в станичных делах, которое и в более раннее время было крайне ограниченным⁵¹. Крестьяне не могли найти защиты от произвола и издевательств владельцев.

Многочисленные жалобы крестьян не доходили до Войскового правительства: задерживались чиновниками или застревали в станичной канцелярии. Лишь по немногим жалобам Войсковое правительство принимало решения. Но, защищая интересы казачьей верхушки, оно, как правило, принимало сторону владельцев и чиновников и этим поощряло тех и других на дальнейшие беззакония по отношению к крестьянам. Так, по жалобе крестьянки Авдотьи Ивановой на жестокое обращение со стороны ее владелицы Авдотьи Лобанихи Войсковая канцелярия 28 ноября 1752 г. вынесла решение разыскать бежавшую крепостную Авдотью Иванову и наказать ее. По жалобе крестьян на «тиранские угнетения» Ефимьи Паздеевой Войсковая канцелярия решила отобрать у владелицы хутор и передать его другому лицу, которое, однако, должно было заплатить Паздеевой «настоящую и ей безобидную цену». Столь же несправедливым было решение по жалобе на казака Алексея Фомина, который вместе со своей женой и приказчиком издевались над крестьянами. Вместо наказания в Приказе Войскового гражданского правительства 6 мая 1788 г. Фомина мягко напоминали, «чтобы вы предписанным малороссийцам обид и налегливостей огнюди никаких не чинили и употребляли бы их в должные работы по учиненному в правительстве положению в неделю по два дня, более же того ни к каким работам не принуждали». Чиновникам за незаконные действия по отношению к крестьянам также только «выговаривали». Наказывали их редко и только в тех случаях, когда их действия задевали государственные интересы. Так, определением Войсковой канцелярии от 28 июля 1767 г. был снят с должности и посажен на две недели в тюрьму атаман Средней Черкасской станицы Мартынов за двойное взыскание подушных денег и утайку их в свою пользу⁵².

Рост барщины и других повинностей, увеличение податей, произвол помещиков и чиновников приводили к разорению крестьянских хозяйств.

На Дону было много бурлаков, то есть обнищавших крестьян, которые не имели своего хозяйства и в некоторых случаях постоянного жилья, а жили и работали, «где кому случится и с найма». По данным поверочной переписи 1764 г., из 538 крестьян, приписанных к Луганской станице, бурлаков было 182 человека, из 168 крестьян, записанных за Митякинской станицей, бурлаков числилось 81 человек, из 140 крестьян Каменской станицы бурлаков было 49, на 61 крестьянина Прибылянской станицы приходилось 9 бурлаков. Много бурлаков было и среди владельческих крестьян. Так, из 65 крестьян казака Алексея Головы 27 человек были бурлаками; у старшинской вдовы Евдокии Марковой из 69 крестьян было 10 бурлаков, у вдовы Марьи Сериновой из 55 крестьян — 13 бурлаков и т. д.⁵³ Многие бурлаки жили на Дону по 15—25 лет, иногда в одной станице, но не могли обзавестись собственным хозяйством⁵⁴.

⁵¹ Там же, д. 642, лл. 26—26 об.; «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. X, 1910, стр. 28; «Труды Донского Войскового Статистического Комитета». Вып. I, 1867, стр. 78.

⁵² ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 12, л. 4; д. 978, л. 3; д. 695, л. 10; ф. 338, оп. I, д. 1015, лл. 24 об.—26 об.; ф. 313, оп. I, д. 16, л. 1. А. А. Карасев. Указ. соч., стр. 76.

⁵³ ГАРО, ф. 339, оп. 19, д. 69, лл. 3, 4, 5, 9 и др.; ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1034—1046, 1046 об.—1047 об., 1048—1052, 1062 об.—1066, 1130—1131 об., 1132—1134, 1190, 1192.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 1040—1046.

Немногим лучше было положение приписных крестьян, которые жили в собственных домах, имели пахотную землю и скот, вели свое хозяйство. В 1776 г. в донесении в Войсковую канцелярию жители Верхней-Курмоярской и Потемкинской станиц указывали, что «нынче, за умножением людей» приходится занимать под пашню места, удаленные от станицы на 50—60 верст, зачастую малопригодные для посевов, «на пещках»; даже «в самые хлебородные года хлебу урожай бывает худой», и нынче, то есть в 1776 г., в хлебе «большой недостаток, неимущие ж претерпевают голод, а скот приходит в худобу и большой упадок». Почти в таком же положении находились жители Нагавской и Кочетовской станиц. Станичные власти Кочетовской станицы категорически отказались обеспечить своих приписных земель, так как станица, по их словам, «в хлебопахатной земле дальнего изобилия не имеет» и едва справляется с тем, чтобы обеспечить земельным паем казаков. Жители Грушевских и Кривянских хуторов также испытывали острый недостаток в земле⁵⁵.

О тяжелом положении станичных крестьян свидетельствуют и другие факты. В 80-х годах XVIII в. приписной Скородумовской станицы Иван Нацупин был зачислен в казаки. Узнав об этом, он сообщил в Войсковую канцелярию, что «отправлять казачью службу по бедности не может»⁵⁶. Еще более тяжелым было положение владельческих крестьян.

Прямым результатом усиления крепостнической эксплуатации на Дону явилось обострение классовой борьбы. Большое распространение во второй половине XVIII в. получили побег донских крестьян от своих владельцев. Проведенная после переписи 1763 г. поверочная перепись 1764 г. показала огромный рост крестьянских побегов. По выборочным данным, из 2 672 человек владельческих приписных крестьян за год бежало 304 человека⁵⁷. В дальнейшем побег крестьян не уменьшались. Так, из 175 крестьян, приписанных за владельцами в Скородумовской станице, в 1770 г. находилось в бегах 10 человек, а в 1771 г.— 17. Из 146 приписных крестьян Дурновской станицы в 1773 г. числилось в бегах 34 человека, или 23% всех крестьян этой станицы. Из 247 владельческих крестьян Средней станицы в 1773 г. бежали 31 человек.

Крестьяне скрывались от владельцев не только поодиночке, но и группами, по предвзвешенномуговору. Так, в ночь на 18 октября 1787 г. у казаков Ивана Сулацкого и Петра Голубинцева «дворовые девки согласились, неведомо куда бежали». В 1795 г. полковой есаул Белов доносил о побеге крестьянской семьи из четырех человек⁵⁸.

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что в XVII—XVIII вв. на Дону постепенно возникало крупное феодальное землевладение казачьей старшины и складывались крепостнические отношения. Крепостное право не было привнесено сюда извне царским указом 1796 г., наоборот, этот указ лишь оформил фактически уже сложившиеся на Дону феодально-крепостнические отношения и способствовал дальнейшему их развитию. Положение широких крестьянских масс на Дону в XVIII в., в сущности, ничем не отличалось от положения помещичьих и государственных крестьян Центральной России. Усиление феодальной эксплуатации во второй половине XVIII в. превратило донскую землю в очаг крупнейших в истории России антифеодальных выступлений крестьян.

⁵⁵ З. Шелкунов. Об устройстве казачьих поселений и об юртовых при них. дольствиях. «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. 7. 1907, стр. 63—64.

⁵⁶ ГАРО, ф. 338, оп. I, д. 68, л. 8; д. 445, л. 2.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 105, лл. 88—1424 об.

⁵⁸ ГАРО, ф. 338, оп. I, д. 875, лл. 6—9; д. 42, лл. 6, 13—13 об.; д. 43, лл. 3—5; д. 622, лл. 1—7 об.; д. 1017, л. 3; д. 179, л. 38; ф. 313, оп. I, д. 1, л. 2.